

ДВ 69

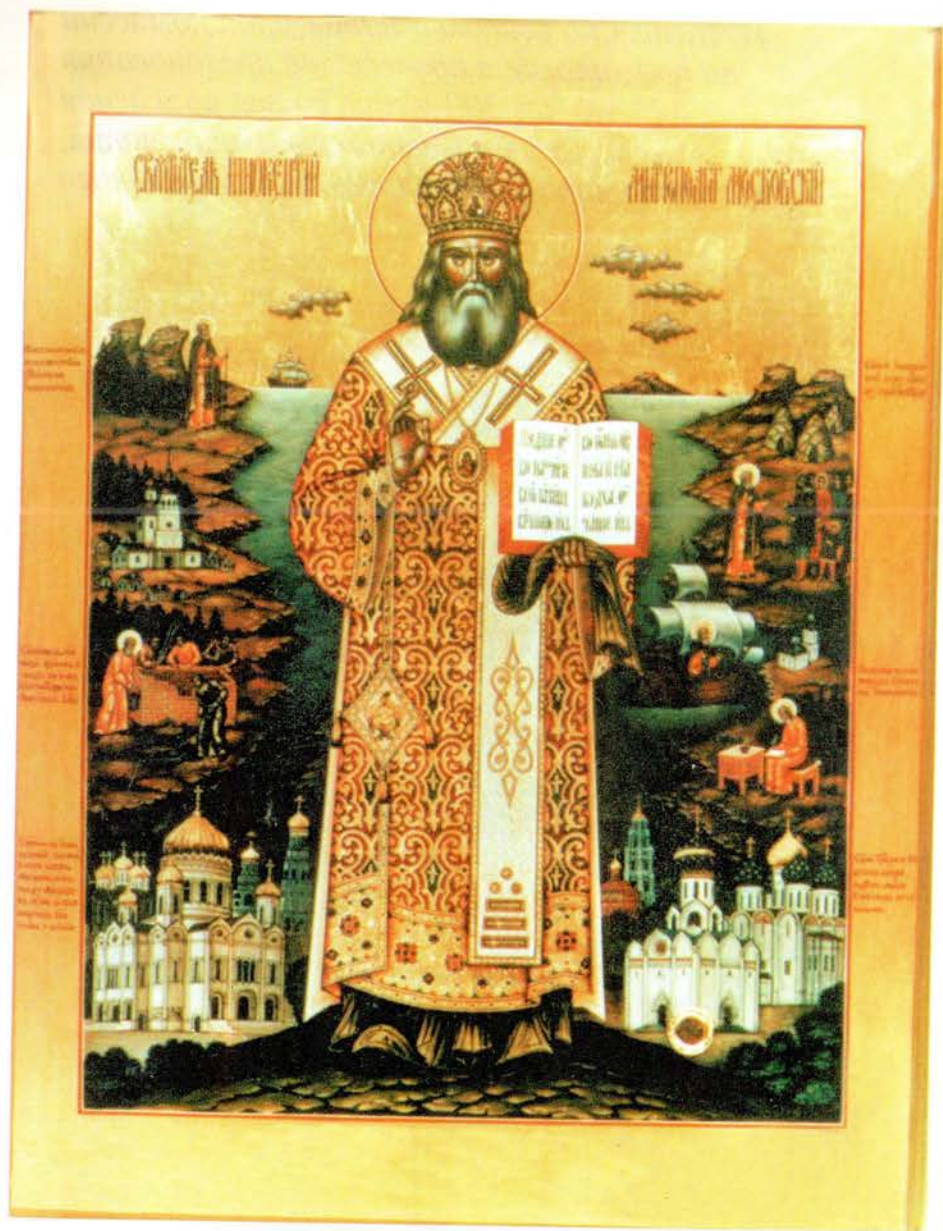
И 667

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
СВЯТИТЕЛЯ
ИННОКЕНТИЯ
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО,
АПОСТОЛА СИБИРИ И АМЕРИКИ

*Издается по решению Юбилейной комиссии
по подготовке и проведению празднования
200-летия со дня рождения
Святителя Иннокентия,
митрополита Московского и Коломенского*

86.372,1
И 667

Православная Гимназия
во имя Преподобного Сергия Радонежского
Новосибирск

102

Избранные труды Святителя Иннокентия, митрополита Московского, апостола Сибири и Америки

*Юбилейное издание,
посвященное 200-летию
со дня рождения
Святителя Иннокентия*

2832580V

Кабинетская библиотека
научная библиотека

Издательство Московской Патриархии
Москва. 1997

Раздел 6 ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ЗАПИСКИ ОБ АМУРЕ

НЕЧТО ОБ АМУРЕ

Река Амур — одна из крупнейших рек не только в России, но даже в целом мире. Несмотря на то, что она течет в умеренном климате на протяжении почти пяти тысяч верст и принимает в себя множество рек с обеих сторон, из коих две, текущие с правой стороны, то есть от полдня, даже оспаривают у нее первенство, до настоящего времени и, можно сказать, даже до 1854 года, конечно, по воле Провидения оставалась в забвении и даже многим из соотечественников наших едва была известна только по имени. Но теперь, когда по ней сплыли два крупнейших рейса, а ныне еще третий, она возбудила внимание многих, а с тем вместе разные толки о ней. Так, например, одни говорят: зачем занимать Амур, когда у нас без того много мест, еще незаселенных; другие называют ее неудобной к судоходству. Один из таковых едва не с клятвой уверял меня, что он слышал от бывшего на Амуре чиновника, что на нем есть непроходимые пороги, а иные, напротив, особливо из первых основателей заселений на Амуре, желая выхвалить Амур, превозносили его до чрезвычайности, увеличивая все до крайности. Прошедшая война доставила случай и мне сплыть по Амуру¹ и кое-что заметить,

¹ С Шилкинского завода я отправился 17 мая и до Стрелочного караула плыл большей частью вместе с казенными баржами. Потом до Айгуна с канонерскою лодкою, а от Айгуна один без всякого лоцмана. Со Стрелки отправились мы 23 мая, мимо Айгуна проплыл я 29-го, в Кизе приплыл 15 июня, а в Николаевск 19-го. Всего плавания моего, считая тут и простои за ветрами и разными причинами, кроме ночей, было 406 часов или 17 суток, следовательно, немногим более Ленского. Одни из офицеров, плывшие день и ночь, совершили этот путь в 21 день.

слышать и видеть. И с моей стороны было бы даже недобросовестно не высказать моих замечаний и мнений касательно Амура, а прежде всего тому, кто более всех интересуется и кому более всех необходимо знать об Амуре, тем более, что все мнения и сведения, какие слышим об Амуре, очень небеспристрастны. Те и другие слишком иногда увеличивают выгоды и невыгоды, представляемые Амуром, увлекаясь своими видами. Прежде всего следует указать на цель занятия Амура. Конечно, главная цель есть одна, то есть приобрести во владение наше такую огромную реку и тем яснее определить границу нашу с Китаем. Но цель эта совмещает в себе множество разных целей: частных и общих, отдаленных и ближайших.

Цель занятия Амура русскими:

а) *Отдаленная.* Главнейшая и важнейшая из отдаленных целей занятия левого берега реки Амура (о правом я не говорю, как о чужом) на всем протяжении его, по мнению моему, есть та, чтобы благовременно и без столкновений с другими державами приготовить несколько мест для заселений русских, когда для них тесно будет в России. А это может быть очень в непродолжительном времени, потому что число рождающихся против умерших по одним только православным метрическим сведениям ежегодно превышает более нежели пятьсот тысяч. А места по Амuru, начиная почти от Стрелочного караула и до самого устья Амура, представляются удобными для поселения, а между тем, самая река представляет большое и важное удобство для сообщений Сибири с океаном. Эта цель занятия Амура многим (с кем мне случилось об этом говорить) кажется новою и странною и это, конечно, оттого, что они не совсем знают количество народонаселения, ежегодно у нас возрастающего, и которое при обыкновенных обстоятельствах должно возрастать со временем уже более чем по полумиллиону в год, и притом им кажется, что у нас в России, и особенно в Сибири, еще премножество мест, которые можно и должно населять.

Действительно, смотря на карту, например, Сибири и зная число ее народонаселения, нельзя не видеть, что при таком необъятном пространстве оной жителей в ней чрезвычайно мало и то почти только около дорог. Но отделите из этого пространства всю северную половину и северо-восточную часть даже до Амура, как совершенно неудобные к большому населению по суровости климата, по гористой и каменистой почве и по непроходимым болотам и тундрам. Если здесь, даже и в самом глубоком севере, и есть жители, то они существуют или звероловством, или рыболовством, или хлебом, доставляемым им с величайшими усилиями. Но что это за существование? Северо-восточный же угол Сибири, то есть от Камчатки к северу и северо-западу, только до тех пор будет иметь скитающихся по леднистым тундрам оной жителей, пока у них не истребятся олени, доставляющие им и пищу, и одежду, и кров, а когда не будет там оленей, что весьма не невозможно, судя по гижигинским тунгусам, имевшим некогда бесчисленные стада оленей, а ныне не все имеют их и для переезда, то никакими (*место не разобрано*) не заселить этого края. Потом, с другой стороны, отделите Киргизскую степь, Саянский хребет, Прибайкальские горы и за Байкалами так называемую Братскую степь, с небольшими исключениями, песчаные места около Кяхты и все места, лежащие от большой Забайкальской дороги к северу, тоже с небольшими исключениями, и вы увидите, что удобных для заселения в Сибири мест остается не больше четвертой части, но и из этой части надобно отделить еще места гористые, песчаные, каменистые, лесистые и занятые водой. И вы согласитесь, что Сибирь, кроме еще, быть может, нескольких мест в Тобольской губернии, почти уже вся заселена, а за Байкалом у раскольников становится уже тесно, а ежели где и найдутся еще места, удобные к расчистке и разработке, то их надобно оставлять для избытка народонаселения самих сибиряков. Следовательно, поселять в Сибири людей из России почти невозможно. Много ли и в самой России мест, удобных для заселения и еще незаселенных, особенно таких, которые бы с первого раза представляли удобства для сообщения, — удовлетворительно сказать не могу. Но положим, что и много. Но через 30–40 лет заселятся и

там, а потом куда девать избыток? За 200 лет и даже менее кто мог думать, что из Германии и Ирландии должны будут переселяться люди в Америку? Следовательно, занятие Амура, то есть заблаговременно приготовить место для будущих поселений, отнюдь не лишне и небезрассудно. Напротив того, надобно это сделать как можно скорее, дабы кто-нибудь из европейцев не предупредил нас, а тогда без ссоры и без войны нельзя уже будет занять Амура.

б) **Ближайшая цель.** Из ближайших целей занятия Амура есть снабжение Камчатки и других приморских и заморских наших мест хлебом и другими сибирскими и отчасти русскими произведениями, снабжение путем удобным, вернейшим и дешевлешим, чем чрез Охотск на Аян и даже чем вокруг света. Честь России (о других причинах не говорю) не позволяет бросить Камчатку и прочие приморские места, хотя они слишком дорого стоят казне и никогда не в состоянии будут окупать не только всех издержек и пожертвований казны, но даже и одних только пенсий, производимых служившим там. А между тем, они не в состоянии прокормить даже своих жителей без подвоза из других мест, ибо, не говоря уже об Охотском и Гижинском округах, в которых решительно никогда не может быть хлебопашества по грубости климата и почвы и по близости моря¹, но даже и в самой Камчатке (где по реке сего имени точно есть несколько мест, которые при усиленной разработке могут производить хлеб) при всех усилиях и пожертвованиях со стороны правительства хлебопашество не может развиваться в удовлетворительном размере, и главное потому, что жители оной всегда будут в состоянии покупать не только хлеб, но и чай и другие потребности, даже до роскоши, на свои соболи, которые, при некоторой предосторожности, никогда не переведутся в огромных и пространных хребтах, едва только в некоторых местах доступных, и то одним промышленникам, и особливо когда хлеб в

¹ Что близость моря не благоприятствует хлебопашеству, это видно было в нашем бывшем селении в Калифорнии — Росс, где едва в 7 лет был удовлетворительный урожай, тогда как в нескольких верстах, за горами, был всегдашний сам-сотый урожай.

Камчатке, доставляемый по Амуру, будет стоить втрое дешевле, а со временем и еще дешевле. О других целях занятия Амура, тоже весьма немаловажных, как то: возможности сбыта произведений Сибири (на первый раз хотя сырые кожи), возможности заведения легкого флота, то есть который бы имел углубления не более 12–14 футов, и прочее — не мое дело говорить. Скажу только, что занятие Амура, даже при небольшом заселении берегов оного, скоро и сильно может развить деятельность в Забайкальском крае.

Вопросы. Когда обозначена цель занятия Амура, тогда сами собою рождаются многие вопросы, например:

- а) Удобен ли Амур для судоходства?
- б) Удобны ли берега его для заселений?
- в) Где первоначально сделать заселения?
- г) Кем заселить и заселять, и какими способами? и прочее.

На последний вопрос отвечать могут только администраторы и знающие политическую и отечественную экономию люди.

а) **Удобен ли Амур для судоходства?** Лучшим ответом на это может быть то, что уже три года по нем сплавляли баржи с большими грузами, сидящие от 2½ до 4 футов в воде, и, наконец, пароход «Надежда», сидящий до 4½ футов, поднялся вверх не только до начала Амура, но даже по Шилке до Сретенска, находящегося выше Шилкинского завода в 70 верстах. Конечно, баржи и самый пароход сидели на мели, но это не от недостатка воды, а от незнания фарватера. Грунт в Амуре почти везде или песчанен, или илист. Течение в нем самое большое не более 8 верст в час, а во многих местах от 5 до 2 верст, в так называемых «щепах». В Хинганском хребте хотя течение самое быстрое и берега каменисты, но для плаванья совершенно безопасны, тут можно плыть во всякое время. Правда, берега не везде удобны для пристанища. Но во избежание неудобств, могущих быть при этом и во многих случаях, весьма хорошо иметь якоря на всякой барже.

б) **Удобны ли (левые) берега Амура для заселения?** Все сведения, какие имеются теперь об этом, еще весьма поверхностны, не исключая даже и господ ученых, путешествовавших на Усури. К сожалению, в настоящее время я имею под рукой

только записку одного из означенных путешественников, г. Максимова. Всякий, кто только ни проплывал по Амуре, не может не сказать, что на берегах Амуре, начиная почти от Стрелки и до Лимана и далее, почти решительно нет места, где бы не мог жить или хлебопашец, или скотовод, или огородник и даже садовод, или рыболов, или дровосек. А сколько таких мест, которые с первого взгляда всякому представляют все удобства для заселения со всеми хозяйственными заведениями!

Но при всем том, этот вопрос, и прежде всех, требует основательного и беспристрастного решения. Для этого необходимо послать особую экспедицию из людей специальных, опытных, в числе коих должны быть, между прочим, и лучшие и опытные хлебопашцы из крестьян, и скотоводы из знающих это дело. Экспедиция эта должна, во-первых, осмотреть весь левый берег вдоль, начиная от Албазина до последних хребтов, перед Кизе, а поперек — от берегов материка Амуре до хребтов, неудобных к заселению. Во-вторых, указать прямо на места, где хлебопашество может развиваться быстро и где со временем, как это сделал г. Максимович в своей записке, относя к первым Уссурийскую долину, в 30 верстах выше устья оной, а к последним некоторые места на Амуре, и тогда сам собою решится второй вопрос, то есть где прежде всего нужно и удобно сделать заселения. Прежде нежели я могу сказать что-либо от себя в ответ на вышеозначенный вопрос, я скажу, что оба берега Амуре, выключая одного китайского или, правильнее сказать, маньчжурского города Айгуна (сахалин улахотон) с несколькими близ его лежащими селениями, можно сказать, не заселены и ждут переселенцев; ибо, что значит несколько десятков домиков и шалашей и, по предположению г. Максимова, 1500–2000 человек, разбросанных по обоим берегам от Айгуна и до последнего хребта пред Кизе? От Стрелки же до Айгуна привитающие минегры составляют самую ничтожную часть населения, если только можно назвать населением несколько берестяных юрт. От Кизе до устья и по лиману обитающие гиляки и мангунцы своими небольшими селениями могут еще показывать, что берега не пусты и все это население находится большею частию на правой, то есть не на нашей стороне Амуре. Из 100 деревень гольдов, обитающих на простран-

стве 700 верст, на левом берегу только 29, по замечанию г. Максимова.

Но и все это население, взятое вместе и с городом, что значит на таком огромном пространстве, какое занимает Амур от начала до конца своего? Оно только может служить одним из первых и важных доказательств тому, что на Амуре климат и воздух не вреден для человека, и это так должно заключить и по записке г. Максимова, где он говорит, что хотя левый берег Амуре низкий, и на большое пространство, но это пространство изрыто рукавами реки и большею частию понимается водою, следовательно, все глухие протоки и озера ежегодно освежаются свежее водою.

Здесь я считаю нужным пересказать кое-что из того, что говорит в этом отношении в своей записке г. Максимович. Он, прежде всего, все виденные им места, от устья Амуре и даже до Сунгари, разделяет на три полосы: полосу хвойных лесов, полосу лиственных и переходную. К первой он относит все побережья Татарского пролива, лимана и части Амуре от устья за мыс Тыр на около 120–150 верст. Ко второй — места от реки Хунгари вверх по Амуре даже до Хинганского, или Гинганского, хребта, а пространство между рекой Хунгари и ниже, до Богородско-Михайловского хребта, он относит к средней переходной полосе. Очевидно, что таковое разделение не может быть отнесено ко всему Амуре, хотя и довольно справедливо в своем объеме. Весь Амур может быть, по мнению моему, разделен на три главные части, резко отличающиеся одна от другой: первую — от Стрелки почти до устья Зеи, вторую — от Зеи до последних гор пред Кизе, и третью — от сих последних гор до лимана. В первой полосе г. Максимович находит немного мест, годных для поселения (конечно, хлебопашцев). Говоря о полосе лиственных лесов, он рекомендует преимущественно только правый берег, а об левом он говорит, что на всем пространстве от Хунгари даже до Сунгари берег представляет широкую низменность, изрезанную множеством маленьких и часто узких рукавов с песчаным или глинистым и илистым грунтом, покрытую лугами, тальниками и подверженную во многих местах на большом пространстве наводнениям. И по всему этому берегу он не видал ни одного мес-

та, годного для поселения, выключая одного — около хребта Оджал.

Переходя же к описанию средней полосы, он очень рекомендует место для поселения недалеко от Кизе, вверх верстах в 90 или 100, где найден им дикий виноград, который, по словам туземцев, всегда созревает. Говоря о северной полосе, он говорит, что от устья до Михайловского мест, удобных для населения в ней, весьма мало. Выше Михайловского встречается довольно пространства и ровные места, а далее луга встречаются чаще, но травы на них еще грубы.

Мнение же мое, какое я в проплав мой по Амуру мог составить о том, вот какое. Амур в вершине своей хотя сжат горами так же, как и Шилка, но уже при самом начале своем, то есть у самой Стрелки, представляет на левой стороне место для заселения удобнее и пространнее, чем на самой Стрелке или в Горбице, и даже и выше по Шилке, почти до Сретенска, таковых мест немного¹. Но чем ниже (по Амуру), тем более и чаще попадаются места для заселения, сначала для двух, трех семейств, а потом для пяти, десяти и двадцати, как например, по реке Невир. А на месте около бывшего Албазина (не говоря уже о самой реке Албазихе, текущей по обширнейшей долине, простирающейся в вершине за горизонт) может существовать уже не одно село. Горы здесь отделились от берега на довольно большое расстояние, а ниже Албазина чем далее, тем еще более и чаще встречаются удобные для заселения места, одни других обширнее и на взгляд лучше. Только в больших изгибах реки, около 2-го Китайского караула, места потеснее. Но и тут найдутся места для небольших селений от изгибов. Горы невысокие и покрытые кустарниками и березником и часто отходят от берегов, оставляя обширные низменности. Особенно прекрасное и лучшее из всех, по мнению моему, для заселения хлебопашцев место — пред последними

¹ Хребты и горы, лежащие между Шилкинским заводом и Стрелкою, с одной стороны примыкающие к Становому хребту, а с другой переходящие чрез Аргун в Китай, составляют естественную границу между Забайкальской областью и Амурским краем, где сообщение может быть зимою и летом по одним только рекам Шилке и Аргуни — другого пути, кажется, быть не может.

горами, находящимися пред устьем Зеи и подходящими к берегу. Тут, по-видимому, может существовать несколько больших селений, ибо равнина, идущая по берегу верст на 60 или 70, внутрь простирается верст на 15 или 20 и верхними изгибами своими едва ли не доходит она и до самой Зеи. Невысокие горы с прилежащими или отдельными холмами, окружающие сию равнину, покрыты листовым лесом, а на холмах большею частью виден один только березник, а там, где березник, обыкновенно бывает чистый и лучший чернозем. Ранних морозов здесь вообще бояться, кажется, нечего, скорее хлебопашец может терпеть от засухи. Но травы, растущие по берегам, отчасти доказывают, что и засуха здесь не совсем вредит. Пред устьем Зеи, на подошве последних гор, лежащих от самого устья верстах в 10 или 12, прежде всех должен быть город и не менее как губернский, который сверх значения своего вблизи Айгуна и заведывания местами вниз по Амуру может командовать верховьями Амура и Зеи, которая тоже по всем вероятностям и по рассказам бывших на ней миссионеров не на одну сотню верст вверх от устья способна к заселению и хлебопашеству, и которая, протекая большое пространство между отрогами Станового хребта и принимая в себя с левой стороны значительную реку Селимджа, а с правой идущую в параллель с Амуром безыменную (р. Ур), едва ли не богаче всех строевыми сосновыми и лиственничными лесами. Следовательно, город этот может пользоваться произведениями обеих рек. Луг, лежащий на Стрелке между Зеею и Амуром и примыкающий к вышеозначенным последним горам, представляет богатейшее и обширнейшее место для посева всяких овощей и хлебов¹ и даже для разведения садов. Вышеозначенные горы, названные мною «последними», в самом деле могут так называться, потому что от них и до самого Хинганского хребта на берегу Амура нет гор, по крайней мере, с лодки не видать было, тогда как с той же точки на правой стороне видны горы почти на всем протяжении, то отдаляющиеся, то прибли-

¹ На месте, где г. Хилковский стоит лагерем выше устья в 5 верстах, почва самая черная и мягкая, как это видно было на огороде, где посажен картофель.

жающиеся к Амуру. Только с левой (а, может быть, и с правой) стороны р. Буреи видны вдали невысокие горы, а близ устья оной небольшое возвышение. Хинганский хребет с левой стороны начинается горами сначала отдельными, невысокими и вдали от реки (и едва ли они не есть продолжение Буритских гор). Потом, чем ближе к «щепам», тем горы становятся выше, круче и подходят ближе к берегу, кое-где раздвигаясь и отходя от берега, пока, наконец, не станут вдоль реки крутым и высоким хребтом, который, впрочем, весь покрыт лесом всякого рода, в числе коего много кедра. И только изредка они разделяются круто берегами речки. Пройдя таким образом около 60 верст, горы круто отворачиваются в сторону и теряются из вида, и только пред устьем и за устьем Сунгары они подходят на вид в первом месте отдельными невысокими горами, а в последнем тоже невысоким и покатым мысом. И потом еще в двух местах я заметил невысокие возвышенности, тоже не близко от берега, покрытые лесом, впрочем, последнее можно принять за тополевою рощу. Наконец, вблизи последнего поворота реки на восток к Кизе является на левом берегу Амура хребет гор, вдруг начинающийся у берега высокою горою, который, кажется, называется Аджаль, и потом горы продолжают по обоим берегам уже вплоть до устья Амура, почти не прерываясь, и то приближаясь к берегу, то отходя иногда (особенно пред Кизе, и за ним, и пред мысом Тыр) довольно на большое пространство, образуя тем обширные луга и озера.

Берег от Кизе до устья по правой стороне весь покрыт горами, во многих местах подходящими к самой реке и замечательно, что почти во всех тех местах, где отходят горы от берега, находятся озера, имеющие сообщение с рекой, и представляют возможность иметь сообщение с морем. Г. Максимович в своей записке, как выше сказано, говорит, что он от хребта Аджаль до самой Уссури не видал места, годного для поселения. Скажу и я то же, разумея собственно берега — как об этом пространстве, так и о пространстве от устья Зеи до гор, прилежащих к Хинганскому хребту — выключая места около города и, быть может, еще при устье Буреи, если только находящаяся тут возвышен-

ность тверда, ибо здесь берега состоят или из глины, или ила, или песка.

Но это еще нисколько не доказывает, что на пространствах сих решительно нет нигде мест, для заселения годных. Если нет на самом берегу и подалее от берега, то быть не может, чтобы на подошвах гор, как он говорит, кое-где видимых на горизонте, а также и на подошвах гор, находящихся около Буреи и выше, не нашлось мест, удобных для хлебопашества в таком климате и при такой растительности, какая представляется на расстоянии от Айгуна до хребта Аджаль. Быть может, таковые места, будучи от берега Амура в 30–60 верстах, судя по карте, какая была у меня под рукой, не более 100 верст, но не все же селения и деревни России стоят при больших реках и не всем же хлебопашцам и другим жителям заниматься рыболовством и торговлею с проплывающими по реке. Зато они, судя по климату и растительности¹, с выгодою могут заниматься садоводством, а может быть, и пчеловодством. Да и притом, если, как говорит г. Максимович, на указанном им пространстве весь левый берег изрыт множеством протоков или рукавов и если то же можно предположить и о левом берегу от города до Хинганского хребта, то жители, которые поселятся на подошвах отдаленных гор, будут иметь довольно удобное сообщение с Амуром. Но если предположить, что и в самом деле и при подошвах гор не найдется нигде мест, удобных для хлебопашества, чего быть не может, то весь левый берег представляет самые лучшие, по сравнению с Якутском, места для скотоводства в самых огромных размерах. Луга, понимаемые ежегодно водою, ручаются, что здесь никогда не может быть неурожая трав, как это случается в Якутске, когда Лена не затопляет низменностей, а что касается до хлеба, то одни хлебопашцы, которые поселятся в первой части Амура, то есть с вершины оного до Зеи и по Зее, могут прокормить хлебом не один миллион народонаселения.

Сказав все, что я знаю и предполагаю о местности верховья и середины Амура в отношении первого вопроса, надобно сказать

¹ 10-го июня я видел вполне налившуюся красную смородину и одну из ягод уже почти совсем покрасневшую.

что-нибудь в этом же отношении и о местности последней части Амура, то есть от последнего хребта гор пред Кизе до устья Амура. Г. Максимович в записке своей говорит, что близ устья места для населения весьма мало. Выше Михайловского селения (лежащего посередине между Николаевском и Кизе) довольно пространных и ровных мест и луга встречаются чаще. О местности же между Михайловским и Кизе он, к сожалению, не говорит почти ничего, потому что, как он говорит, эту местность он посещал поздно осенью и должен был спешить¹, а, между тем, эта местность в настоящее время более всех других требует исследования и описания, потому что тут помещены два селения: Богородское и Иркутское. С вышеозначенным мнением г. Максимовича я не совсем согласен. Около Николаевска действительно весьма мало мест для населения, не говоря уже о хлебопашах, для которых, кажется, нет места даже до самого Михайловского, но даже и для скотоводов, потому что ни около Николаевска, ни выше его верст на 40, можно сказать, решительно нет места для выгона необходимейшего для города скота. Только около селения Личи, находящегося от Николаевска выше верстах в 7, есть несколько травянистых мест, но они едва достаточны и для самих поселян, и самый сенокос (на Константиновском острове) слишком ограничен. Но чем выше от Николаевска, тем более сенокосов и луговых мест, а за 70 верст от Николаевска (в Пальво, где зимовали суда) и далее около озер Ориг и...² столько трав, что там можно иметь не одну тысячу голов скота. То же можно сказать и о местах, лежащих против новых поселений на левой стороне реки и около них.

Что же касается до мест, удобных для хлебопашества, то в нижней части Амура, до поворота оною на юг, кажется, не найдется таких мест, а если бы и нашлись, то по близости к морю хлебопашество если и может удаваться, то очень редко по близости устья. Далее же, то есть от поворота на юг или мыса Тыр до

¹ Из слов г. Максимовича здесь можно заключить, что он как будто уклоняется от того, чтобы откровенно высказать свое мнение об этой местности.

² В подлиннике оставлен пробел. *Прим. И.П. Барсукова.*

Кизе, нашлись места, для сего удобные, как например, в Михайловском и Богородском селениях, в которых, особенно в первом, посеянные хлеба (как я видел 5 и 6 июля) очень хороши и уже начинали белеть. Только не помешает ли им также морской воздух, нередко до них доходящий. В селении Лича тоже посеян разный хлеб, и не поздно, то есть в последних числах мая, но 19 июля на нем не видно было ни одного колоса, хотя зелень очень хорошая. Но если бы даже и ежегодно удавалось здесь хлебопашество, то рассчитывать на оное в значительном количестве нельзя, да и нет надобности. Во-первых, потому что не везде можно найти мест, удобных для хлебопашества, по причине гористых и каменистых мест, с одной стороны, и низких, иловатых и болотистых — с другой. Так, например, жители селения Иркутского не могут найти клочка земли, для того удобного, даже на 20 верст вокруг, да и в Кизе тоже немного таких мест. Во-вторых, потому что хлеба привезут сверху сколько угодно, и потому жителям здешних поселений, по мнению моему, надобно обратить свои силы и труды преимущественно для разведения скота, который здесь всегда будет нужен, и в немалом количестве, как для жителей городов Николаевска и Кизе постоянно, так и для проходящих судов, пока не переплавят скота сверху. Разведение скота вблизи Николаевска и Кизе, с одной стороны, занимающимся сею частию хозяйства доставит огромные выгоды и тем самым даст возможность к возделыванию и удобрению земли, а с другой, жителям городов доставит возможность всегда иметь одну из первых потребностей жизни — свежее мясо, и со временем не за дорогие цены.

Итак, после всего вышесказанного, на первый вопрос, то есть удобны ли Приамурские места для заселений, я могу сказать, что, не говоря уже о правом берегу как не нашем (впрочем, я полагаю, только до предпоследних гор пред Кизе), левый берег почти весь, от вершины до лимана, удобен для заселения, сначала до устья Зеи, преимущественно хлебопашами, оттуда до последнего хребта пред Кизе, если не хлебопашами, то скотоводами, а, наверное, теми и другими (то же можно сказать до Кизе) и, наконец, скотоводами к самому устью Амура. Климат и воздух, как видно на жителях, везде здоров.

О почве земли и растительности берегов, выключая только приморья, и говорить нечего. В проезд мой из Николаевска в Кизе я во многих местах видел, что как бы лес ни был густ, но между ним видна трава, почти столь же высокая, как и растущая на открытом месте. Только там, где преимущественно растет лиственница и ель вместе, травы мало, ибо тут почва глинистая и тундристая. Сообщение рекою летом, как показал уже трехгодичный опыт, безопасно и будет весьма удобно и на баржах, и на пароходах мелко сидящих, когда будут лоцманы из самих жителей-переселенцев¹. Леса для построек найдутся везде. Горы, сопровождающие Амур в начале верст на 400, изобилуют хвойным лесом. То же можно заключить и о берегах Зеи, в вершине и даже до половины и ниже. На Хинганском хребте, не говоря о лесах лиственных, немало кедра. О последней части Амура, то есть от последних гор пред Кизе и далее, и говорить нечего, горы все (а их премножество) покрыты хвойным лесом. Правда, на большей части берегов Амура, то есть на равнинах и возвышенностях от Зеи до Хинганского хребта и от него до последних гор пред Кизе, строевого леса не видать, выключая весьма немногих мест. Но быть не может, чтобы хвойного леса не было и на горах, к которым примыкаются означенные долины и возвышенности, если не на самих подошвах их, то по речкам и на хребтах. Но зато дровяного леса, считая таковым тальник, ивняк и тополь, по всем берегам и островам весьма много. Что же касается до последнего условия для селений, то есть воды для пищи, то несмотря на то, что в Амур впадает множество разных и различных речек, вода в нем хотя и непрозрачна, но безвредна, как это доказывают новые поселения. А между тем, у тех селений, кои расположатся при горах, почти везде будут особые ключи, ручьи и речки.

Мест для расположения селений, говоря вообще, при самом берегу, правда не везде, но и немало. От начала и до устья Зеи

¹ Зимнее же сообщение, мне кажется, может быть из Николаевска прямо по реке Амгуни до вершины оной, потом частью по Зее и по долине прямо на устье Зеи чрез пригородные селения, если только возможно будет иметь поселения по реке Амгуни.

берега почти везде для этого удобны. Несколько селений могут быть по ту и другую сторону Хинганского хребта и отчасти между горами в первой половине оного. Также немало найдется удобных для этого мест по ту и другую сторону последних гор пред Кизе и на протяжении оных, а, быть может, и на самых равнинах найдутся места для того удобные, и не слишком далеко от реки.

в) *Где первоначально сделать заселения?* Чтобы заселить Амур на всем его протяжении только в том размере, чтобы можно было устроить по нем обыкновенный почтовый проезд, потребуется устроить более сотни одних только почтовых станций и, следовательно, потребуются отыскать и заселить более сотни мест. Но не по всем местам могут существовать одни только станции, в некоторых, и даже во многих, местах нужны будут при них целые селения, иначе не найдется средства к содержанию самих станций, а чтобы устроить все это в два-три года, потребны сильные меры и огромные средства. И потому, оставив до благоприятного времени учреждение настоящих почтовых станций и устройство многих селений, вдруг сначала, по мнению моему, надобно заселить только те места, которые впоследствии (и прежде других) могут и должны иметь свое значение в каком-либо отношении, то есть или административном, или хозяйственном, или торговом. Первое место, которое должно быть заселено, и как можно скорее и прочнее, по мнению моему, есть то, на которое я указывал выше, где и может и должен быть город, то есть пред устьем Зеи. В то же время необходимо сделать заселения пред Хинганским хребтом или за оным и пред последними горами пред Кизе, а затем при устье Буреи, на Албазине и около Камарского караула, а также вблизи рек Сунгури и Уссури. В первых трех местах или, по крайней мере, в двух первых, между прочим, может со временем сосредоточиться управление частями Амура и, следовательно, могут быть города, а в прочих местах или около них может быть разводимо хлебопашество и скотоводство.

г) *Кем заселять Амур и каким способом?* Если главною целию заселения Амура будет та, которую я указал в начале сей записки, то есть приготовить несколько мест для поселения рус-

ских из Европы, то само собою разумеется, что самая большая часть переселенцев на Амуре должна быть из европейской России, а не из Сибири.

А чтобы заселение Амура было прочно, было бы надежно и достигло возможного благоустройства, надобно, по мнению моему, заселить его так же, как в первые времена заселена была Сибирь, в которой самое прочное, лучшее и полезное население, как известно, составилось переселениями в Сибирь почти целых селений в зачет рекрутства и изгнанием нескольких семейств раскольнических за Байкал. Эти переселенцы, придя в Сибирь, принесли с собою все свои, общие всем, обычаи, свои познания, свои порядки и свое трудолюбие; для них переменялось почти одно только место, а общество, то есть их соседи, те же, что были и в России. Следовательно, начать иной порядок, иной образ жизни значило идти против общего мнения — этого великого двигателя обществ, гражданств и царств. Если бы Сибирь заселялась так же, как она населяется в последнее время, то есть одними ссыльными и заезжими с разных концов России гражданами и чиновниками, между коими нет и не может быть почти никакого единства, кроме получения выгод, то какие бы меры ни принимало правительство для блага Сибири, Сибирь без вышеозначенных двух важных в гражданском отношении элементов никогда бы не могла достигнуть настоящего благосостояния¹.

¹ Которое, впрочем, надобно сказать правду, пошло уже назад. Причин тому очень много, из коих суть: преизбыток ссыльных, то есть безнравственных и привыкших к праздности людей; излишек заезжих чиновников, имеющих ввиду одни только свои выгоды, чины и пенсии и за глаза начальства позволяющих себе все... Много ли можно найти теперь из чиновников, имеющих влияние на крестьян — этот главный элемент народного быта — таких, которые бы во время пребывания своего между ними подавали бы собою пример благочестия, набожности, уважения к Церкви и пастырям, которые бы строго соблюдали посты — эту главную узду своеволия простого (да и не простого) народа, которые бы поощряли нерадивых к деятельности своею благоразумною деятельностью и прочее и прочее? Не напротив ли этого все делается!.. Следовательно, можно ли после всего этого удивляться, что народ делается хуже, тогда как притом они видят и знают, что нехристианские и недобрые действия их начальников не только не преследуются общественным мнением в городах, но,

И потому, если населять Амур хотя и не ссыльными (которых, по мнению моему, там не должно быть решительно ни одного, иначе как раз будут неприятности с соседями нашими), но семействами, набираемыми в разных губерниях и селениях, то население это плохо и не быстро пойдет к своей цели по разномуслию, по различию наречий, обычаев и прочее, а главное потому, что добрый, честный и трудолюбивый крестьянин без особенно сильных причин не скоро захочет переменить место своей родины, оставить своих родных и прочее. Следовательно, здесь без некоторого насилия обойтись будет нельзя. Семейства, которые были посланы в Сибирь на поселение в зачет рекрутства, конечно, оставляя свою родину, плакали и были оплакиваемы, но эти слезы давным-давно уже иссякли, в пустынях Сибири процветают селения и затем города. Но все это еще впереди и, быть может, еще далеко, а теперь надобно говорить о настоящем. До Албазина, на Албазине и далее до Зеи, кажется, первоначально могут поселиться новые Забайкальские казаки из бывших подзаводских крестьян. Им это будет сделать и удобнее, и

напротив, заимствуются оттуда!.. Главная причина всех зол не только крестьянских и гражданских обществ наших, но и всей России есть преимущественно то, что люди потеряли страх Божий, а к этому первую ступенью было нарушение постов. Так называемая ныне честь никогда не заменит страха Божия не только в простом народе, но и в тех обществах, где ею так дорожат... Есть еще причина, и очень немаловажная, — это отнятие у приходских священников власти над своими прихожанами. Ныне никто уже, даже и дети, не боятся своих пастырей. Следовательно, теперь для мужиков нет никакой узды, воздерживающей их от пороков. Прежде было не так. Мой дед (а потом дядя) был строг к своим прихожанам. Не говоря уже о выговорах и угрозах, он своею властью налагал публичные епитимии на начинающих развращаться без всяких представлений по начальству, ибо это было общее у всех и, быть может, это было одною из причин того, что в кабаке, давно уже существующем в селе нашем, вина в целый год выходило не более бочки и кабак всегда был пуст (это я сам знаю). Но ныне тот же кабак процветает, посетителей в нем всегда довольно, даже и во время полевых работ, и расход вина возрос почти в 50 раз более прежнего. Такой власти нынешние священники, и не только они, но и выше их, не имеют, ибо вышеозначенные действия священников не согласны с Духовным Регламентом.

скорее по многим отношениям. На прочие места пока вызывать лучших хлебопашцев из Сибири. Забайкальским раскольникам, говорят, становится тесно. Можно дать и им какое-либо место или два, но так, чтобы они жили только одни. Что же касается до тех мест, где может быть разведено преимущественно скотоводство, туда поселить один улус забайкальских бурят, или лучше несколько поселегов (поселков) якутов (которым тоже со временем будет тесно).

Вопрос: *как они переведут на Амур свой скот?* Можно решить так. Скот свой они весь могут отдать и передать Алекмутским золотопромышленникам, вместо которого те должны будут купить им скот за Байкалом. Сами же они могут переехать или тем путем, которым якуты-подторговцы ездят на Бурею, или чрез вершину Айдана перейти на Зею и по ней сплыть до места, им назначенного, или лучше ими самими выбранного, или, наконец, чрез Якутск по открытой Лене. Только в этом случае они должны отправляться не из Якутска, а из Олекмы или еще выше, иначе в одно лето не попасть на Амур, и все это, конечно, не без пособий от правительства.

Высказав все, что я только мог теперь сказать об Амурском крае, я считаю нужным сказать нечто и в частности о местах, занятых нами ныне на Амуре. Начну с Николаевска.

Николаевск стоит не на месте не только в отношении удобств жизни, но даже и в главном значении своем. Не умею сказать, соответствует ли он всем требованиям в стратегическом отношении. Морские же офицеры говорят, что находящиеся ныне батареи не имеют между собой общей связи, а этому препятствует местность. Но мне кажется, лучшего места для укрепления Амура нет до самого Михайловско-Богородского хребта гор, то есть на 150 верст от Николаевска. В морском отношении Николаевск почти нисколько не соответствует всем главным условиям, кроме возможности стоянки судов, но таких мест, как в Николаевске, то есть посреди реки, премножество по всему Амуру и столько можно найти несравненно лучше даже несколько повыше. В заливе же подле города могут стоять только

гребные суда и баржи, не более, и то не всегда спокойно от волнений, а главное неудобство то, что ни подле, ни вблизи Николаевска нет удобного места не только для зимовки судов и постройки новых, но даже и для починки. Чтобы вытащить шхуну «Восток» на берег для починки, надобно было отвести ее туда, где зимовали суда, то есть в Пальво, за 60 верст выше Николаевска. Относительно удобств жизни Николаевск не представляет почти никаких, кроме изобилия пока дров. Первая потребность для существования человека — воздух — долго не может быть постоянно чиста, до тех пор, пока окружающие его болота и тундры, на которых он стоит, не иссохнут, а для этого надобно много времени и рук. Вторая потребность — вода, которою пользуются ныне жители Николаевска, берется из залива, не имеющего почти никакого течения. Тут берут воду на чай, тут же моют и белье. Хотели помочь этому колодцем, но не удалось и, конечно, не удастся, потому что возвышенность, на которой расположен город, во-первых, состоит из глины, а во-вторых, не примыкает ни к какой горе, и оттого в ней не может быть постоянных подземных ключей, по крайней мере, тут, где стоит город. В колодце, правда, вода есть и, конечно, натечная сверху и даже очень прозрачна, но имеет неприятный запах. Возвышенность, на которой стоит Николаевск, состоит, как я сказал выше, из (желтоватой) глины, сверху покрытой слоем другого цвета — вязкою глиною и мохом, а чернозему на ней еще очень мало и потому чрезвычайно трудно в самом городе иметь огород, тем более, что вся площадь покрыта сплошными пнями, листовичными и еловыми. Правда, чрез два-три года, хотя и с большим трудом и усилиями (возможными, конечно, только для имеющих средства и достаток), но, как показывает опыт, можно будет завести огороды в самом Николаевске, которые время от времени будут делаться лучше и лучше. Но вот самый важный недостаток Николаевска: около него вблизи нет выгона для скота, кроме небольшой покрытой лесом площадки, а скот, как известно, составляет одну из необходимых потребностей для семейных, да и для всех. Сделать выгон невозможно никакими

средствами и усилиями, по крайней мере до тех пор, пока около Николаевска не будет расти березник. Конечно, не все города имеют выгоны для скота и не все городские жители имеют свой скот, но все они имеют возможность, и даже с выгодой, иметь молоко из подгородных сел и деревень. Но Николаевск не может иметь этого удобства, потому что жители ближайшей к нему деревни Личи, отстоящей в 7 верстах, тоже не могут иметь большого скотоводства по причине небольших выгонов. При такой почве и местности Николаевска само собою разумеется, что нет места для прогулок, а это для городских жителей, ведущих сидячую жизнь, так же необходимо, как вода или воздух.

Сверх всего этого, еще то, и главное, неудобство, что Николаевск во время нападения неприятеля не безопасен от выстрелов даже обыкновенной артиллерии.

Говоря таким образом о Николаевске, я отнюдь не думаю винить основателей оного, потому что здесь виноваты не люди, а обстоятельства. Первый основатель искал места, только чтобы поставить зимовье (для наблюдения за входящими судами), и это место представилось удобным и не для одного этого, а при перенесении Петропавловска на Амур было не до того, чтобы рассматривать и избирать удобства. Но теперь, когда военная буря прекратилась и настает необходимость устроить на Амуре порт и город, надобно обратить на это все внимание. И притом, как Николаевск по местности своей ни худ, но он несравненно лучше Охотска, Аяна и даже Ситхи...¹ Он может уступить только Петропавловску, и потому переселившиеся из Камчатки на Амур не могут быть довольными Амуром.

Но где же поставить Николаевск или — все равно — где основать город и порт? Вопрос этот требует основательного исследования и верного взгляда, и соображения всех обстоятельств, настоящих и будущих, и во всех отношениях. Что теперь требуется для упрочения Амура? Требуется, во-первых, чтобы как можно ближе ко входу в него с моря была крепость,

порт и город если не все вместе, то одно от другого не в дальнем расстоянии. Ниже Николаевска, в лимане, говорят, решительно нет места, удобного ни для укрепления, ни для порта. Нынешний Николаевский пост в стратегическом отношении представляет первое и, в сравнении с близлежащими к нему местами, лучшее для укрепления Амура место. Правда, есть для этого место еще лучшее, а именно, между Богородским и Михайловским селениями, где Амур очень сжат гористыми берегами. Но это слишком далеко от устья, то есть за 150 верст выше Николаевска. И потому в стратегическом отношении Николаевск, можно сказать, на лучшем месте, но только в этом. А если так, то в нем должны быть только укрепления и казармы для необходимого в зимнее время караула и более ничего, а казармы для гарнизона могут быть выше версты за четыре.

Где же должен быть порт, то есть верфь, гавань и место для зимовки судов? Протока Пальво, где зимовали суда, весьма удобна для первого: глубина в ней достаточна даже для кораблей; берег с одной стороны почти отвесно крут, а с другой отлог и тверд; течение в ней очень тихое; при проходе реки, как показал опыт, лед несколько не опасен для судов, а местность представляет все удобства для расположения города. Правда, это место от Николаевска в 60 верстах, но это неудобство при пароходах не так важно. Но вот главное неудобство этого места. Так как около этого места строевого леса очень немного, да и дровяного не очень изобильно, да хотя бы было и не менее Николаевска, он скоро истребится, и потому надобно будет лес или привозить, или приводить сверху или снизу Амура. Перевозить лес можно только зимою, иначе будет дорого и не для всех возможно, приводить же водою с той и другой стороны надобно против течения и на расстояние не менее 15 верст, потому что протока Пальво есть вместе исток из озера Орль, имеющий несколько устьев, и притом верхний рукав протоки чрезвычайно извилист и длинен. Быть может, это неудобство может быть отвращено или уменьшено прорытием где-либо канала, а иначе как

¹ Слово не прочитывается. Прим. И.П. Барсукова.

суда, так и все баржи к городу и порту надобно будет вводить пароходами и не менее двенадцати верст.

Где основать город? Как, с одной стороны, ни прекрасны климат и места по Амуру выше Кизе и как, с другой, ни дурен климат в последней части Амура, в сравнении с первым и особенно близ устья, но город должен быть недалеко от устья и, если можно, то при самом порте.

Местность, на которой ныне расположен Николаевск, можно сказать, есть самая худшая из виденных мною, даже на взгляд. Так что даже около селения Личи, отстоящего от Николаевска только в 7 верстах и ближе оно версты на 3, местоположение и почва несравненно лучше и удобнее для расположения города. Но это место, как говорили мне, предполагается для поселения отставных матросов, а быть может, и для казарм Николаевского гарнизона. Следовательно, тут городу не место.

Новое место для порта и города. В проезд мой из Кизе в Николаевск чрез протоку Пальво мне представилось одно место, по-видимому, соединяющее в себе если не все, то многие удобства для устройства порта и города, и которое от Николаевска не более 40 верст. Это пред устьем той же протоки Пальво, следовательно, удобствами, представляемыми Пальво, можно пользоваться без больших затруднений; на левом же берегу Амура, значит, к солнцу, при довольно значительном заливе, имеющем, как говорят, не менее 10 футов глубины, следовательно, удобным для стоянки мелких и гребных судов. Здесь находятся три невысокие горы, одна от другой отделенные небольшими разлогами или падами, составляющие собою почти полукруг дугою по северу. Две из них в основании своем, как казалось, почти круглые, а третья, к Николаевску — продолговатая, с двумя понижениями. Все эти горы окружены и защищены от запада, севера, северо-востока и востока полукруглым, местами довольно высоким хребтом, оканчивающимся у берегов реки мысами Сибах к востоку и Маго к западу. Разлоги между вышеозначенными тремя горами и третий между мысом Маго и первою горою смотрят один от северо-востока, другой (средний) от севера, а последний

от северо-запада. Средний из них, кажется, шире и длиннее и ближе подходит к окружающему их хребту. Пред устьями их, кажется, есть довольно большой луг; на горах, покрытых лесом, большею частию виден березник, следовательно, здесь грунт не худой, а горы довольно покаты.

Для порта одно неудобство, которое, впрочем, в другом отношении составляет большое удобство: это то, что большая часть залива, обливающего берега вышеозначенных трех гор, открыта в реку и во всю почти длину материка ее вверх по течению, и потому гребным судам стоять в заливе, может быть, иногда беспокойно; но это, кажется, можно отвратить, заградив часть залива сваями. Для стоянки же судов по реке здесь, кажется, нисколько не хуже, чем в Николаевске, а, быть может, будет еще и удобнее, если протока, идущая из материка между ним и устьем Пальво, имеет достаточную глубину. Город может быть расположен сначала в одном из разлогов, то есть среднем или восточном, а впоследствии и в западном, и на склонах самих гор. Одно только нужно узнать прежде: есть ли в этих разлогах особые речки или ключи, текущие в Амур. И мне казалось, что в среднем непременно есть, а быть может, и во всех, и если это так, то лучшего места для города вблизи устья Амура не найти. Почва лучше Николаевской (судя по листовым лесам), местоположение покатое, следовательно, грязи скоро будут просыхать, выгон для скота есть и пред городом, и в падах, и, вероятно, и за горами. Сенных покосов на противои окологлежащих островах, кажется, очень изобильно, и особенно в протоке Пальво, верст за 10 или 20. Баржи, а также и плоты с лесом и дровами, сверху могут приплывать если не под самый город, то близко к нему. Правда, судам, входящим с моря в Амур и имеющим надобность быть у города, надобно будет проходить вверх по реке лишних почти 40 верст. Но если принять в расчет то, что купеческие и вообще парусные суда пароход должен брать на буксир от того места, от которого идти далее в лиман лавировкой уже нельзя, то есть от мыса Суцова, отстоящего от Николаевска не менее 250 верст, то что

значит при таком расстоянии лишних 40 верст, и которое, при том, при попутном ветре, могут пройти и без парохода. Есть еще место, которое стоит осмотреть, а именно на правом берегу Амура, несколько пониже вышеозначенного. Тут горы расходятся и представляют довольно широкую и длинную падь, которая лежит устьем к северо-западу, а вершиною уходит к югу в горы.

Теперь, по порядку, следует сказать о Кизе или Мариинском poste, на месте ли он стоит. **О Мариинском poste.** Но прежде нежели я буду говорить о Маринском poste, надобно решить главный вопрос: нужен ли он? Отвечать на этот вопрос удовлетворительно во всех отношениях может только тот, кто знает виды и намерения нашего правительства на этот край. Ибо если правительство захочет, то, так сказать, и самое невозможное сделается возможным; на что при обыкновенном ходе дел потребуются десятки лет, то может устроиться в два-три года. А так как я не знаю таковых видов и намерений правительства, буду отвечать на него, смотря с обыкновенной точки и принимая во внимание преимущественно мирный, гражданский быт. Принимая во внимание торговлю, какая может развиваться на Амуре на первый раз, можно сказать, что Мариинск в настоящее время не нужен для торговли и даже до тех пор, пока Амурская торговля наша не усилится и не разовьется до больших размеров, а это может быть только тогда, когда Амур будет заселен, или когда доставка заграничных товаров по Амuru, по крайней мере, во всю Сибирь и при обыкновенной очистке пошлиною будет стоить дешевле, чем доставка с Нижегородской ярмарки. Тогда Мариинск, как ближайшая и гораздо удобнейшая точка сообщения реки Амура с морем, будет необходим. И само собою разумеется, когда в то же время от Декастри даже до Мариинска¹ будут устроены железные дороги. А иначе, то есть если торговля наша на Амуре будет ограничиваться только сбытом забайкальских про-

¹ Потому что залив, или озеро Кизе, при малой воде в Амуре неудобен для плавания даже небольшим гребным судам, как это показал опыт.

стых произведений, как то: сырыми кожами, солониною, пшеницею или мукою, пенькою, маслом, салом, скотом и тому подобным, и получением за то вещей и припасов, необходимых только для приамурских команд и жителей и отчасти для забайкальских, тогда не только Мариинск, но и даже железная дорога от него до Кастры не нужны, потому что и при самой крайней дешевизне за перевоз по железной дороге для торгующих будет гораздо выгоднее сплавлять вышеозначенные произведения свои к устью Амура, тем более, что при помощи пароходов есть возможность сплавлять грузы даже на тех же самых баржах, на которых они будут сплавлять сами до островов Хазимов, а до сих островов могут доходить суда всякой величины и стоять там безопасно. И даже если бы нужно было перегружать баржи в другие, более удобные, то и тогда для купцов это будет выгоднее, чем перевозить их по железной дороге. О перевозке же товаров и припасов, которые будут привозиться из-за границы, и думать нечего, потому что все эти вещи удобно могут быть доставлены на пароходах, идущих по пути, потому что количество их пока ограничится только потреблением живущих вблизи устья Амура, следовательно, будет не слишком значительно. Итак, Мариинск и железная от него до Кастры дорога для торговли еще долго не будут нужны.

Нужен ли Мариинск в стратегическом отношении? Если правительство по своим видам захочет иметь здесь тяжелый флот и с тем вместе, разумеется, устроить гавань для его судов в Декастри, как говорят, возведением мола между островами, тогда, конечно, Мариинск или какая-либо другая ближайшая к нему точка будут необходимы. Если же правительство ограничится только легким флотом, то есть судами, сидящими в воде от 12 до 14 футов (которые, конечно, необходимы для оборонения Амура и который в случае войны, по мнению моему, также может быть страшен неприятелю и своею численностию, как и корабли своею громадностью и силою и который, между тем, при перевесе силы неприятельской, удобно может скрыться за Амурские крепости), если, говорю, правительство ограничится пока

таким флотом, то, мне кажется, для него не нужен Мариинск, потому что тогда не предвидится надобности ни укреплять, ни устраивать и самое Декастри. Мне скажут, что в таком случае неприятель может занять Декастри и оттуда действовать на Амур. Так. Но, во-первых, неприятель может занять Декастри только в таком случае, когда наш легкий флот будет или разбит, или принужден скрыться за батареи, следовательно, неприятель должен быть в больших силах, а это для него не совсем легко. Во-вторых, если неприятель и займет Декастри, то не может удержаться долее зимы близ сильных укреплений. В-третьих, зимнего похода на Амур он не предпримет, а летом грязи и непроходимые топи¹ представят ему чрезвычайные затруднения для перехода на Амур и для перевозки артиллерии, когда в то же время и с нашей стороны будут предприняты все меры против его действий. В-четвертых, таких переходов или перешейков, как представляется, из Декастри в Мариинск не один — их насчитывают более четырех. И если это так, то, укрепив Декастри, нельзя оставить без некоторых укреплений и других мест, удобных к переходу, потому что если неприятель может иметь возможность овладеть Декастри и высадить сильный десант, и послать его на Амур, то будет иметь возможность занять и все другие около их лежащие места для того, чтобы перейти чрез них на реку с сильным десантом. Я профан в военном деле, но думаю, что никто не решится на это даже при огромных силах и средствах. Берега здешние не севастопольские, где неприятель огромным флотом своим мог подкреплять свой десант, так сказать, на каждом шагу его движений, а чтобы обезопасить легкий флот, стоит только укрепить устье Амура, а его надобно укрепить и без того, если мы хотим владеть Амуром. А чтобы обезопасить тяжелый флот, надобно устроить гавань в Декастри, укрепить ее или занять и укрепить Императорскую гавань и провести к ней железную дорогу: значит, надобно владеть рекою Усури, а между тем, в то

¹ Так это показал опыт нынешнего лета, когда мы сами, при всех наших средствах и уже в мирное время, не имели возможности достать припасов из Декастри в Мариинск при всех усилиях.

же время иметь сильные крепости и в устье Амура. А такие предприятия потребуют страшных, чрезвычайных средств, потому что в то же время надобно заселять Амур.

На вопрос мой: *для чего нам тяжелый флот?* — мне отвечают моряки: для того, чтобы в случае войны с Англией угрожать ее торговле в Тихом океане; да тогда она даже не посмеет предпринять с нами войну. Положим, так. Но это значит употребить огромнейшие средства для того, чтобы быть страшным одному неприятелю и, в то же время, быть слабее против другого или угрожать тому же неприятелю, с одной стороны, и одним способом, весьма не легким для нас, и в то же время иметь менее возможности противопоставить ему сильнейший отпор, с другой стороны, потому что Англия явно может готовить огромнейший флот с тем, чтобы напасть на нас. Но мы не будем знать, с которой стороны они нападут на нас, значит, нам надобно быть сильными везде и, между прочим, и на Амуре, и в Императорской гавани, до которой доступ для нас с сухого пути требует огромных средств и, главное, — населения Амура.

Но об этом довольно. Теперь спросим: *на месте ли стоит нынешний Мариинский пост?* Отвечаю: нет. И, говоря так, я опять скажу, что я тем не хочу винить тех, кто избрал это место. Чтобы избрать лучшее место, надобно и время, и особенные средства, а их некогда было иметь основателям Мариинска. Местность Мариинска чрезвычайно мало представляет удобства для хозяйственных заведений. Площадь, на которой стоит Мариинск, болотистая и иловатая, и притом, как говорят гиляки, в некоторые годы она понимается водою. Главное, ни в Мариинском, ни в Кизе нет хорошей воды, особенно осенью, когда из озера выносятся тина и грязь.